

ВЕЛИКИЕ
ЗАГАДКИ
МИРА ИСКУССТВА
100
историй о шедеврах мирового искусства

Елена Коровина

Елена Коровина

**Великие загадки мира
искусства. 100 историй о
шедеврах мирового искусства**

«Центрполиграф»

2011

Коровина Е. А.

Великие загадки мира искусства. 100 историй о шедеврах мирового искусства / Е. А. Коровина — «Центрполиграф», 2011

На страницах этой книги вас ждет множество любопытных фактов о создании и «жизненном» пути величайших творений человечества. Вы узнаете главную загадку мира: какова миссия Большого египетского сфинкса? Как и почему отец-композитор оперетты Флоримон Эрве закончил свои дни в сумасшедшем доме? Как удалось Нелл Гвин, нищенке с лондонских улиц, стать примой театра «Друри-Лейн» и любовницей самого короля Карла II? Почему современники Тициана обвиняли его в убийстве? Как и по какой причине радиоспектакль по пьесе Герберта Уэллса напугал всю Америку? И много-много других загадок и поразительных явлений мира искусства, которые по сей день заставляют ученых, писателей, искусствоведов размышлять, спорить, предлагать свои версии.

© Коровина Е. А., 2011

© Центрполиграф, 2011

Содержание

Застывшая красота	5
Главная загадка мира: миссия Большого египетского сфинкса	5
Мистический резонанс, или Предупреждение сфинксов	10
Загадка богини	14
Пока строится собор	18
Аббатство в Шервудском лесу	21
Тайна замка Альбрехтсбург	22
Кремлевские тайны Конана-варвара	26
Всадник над городом	31
Дом семи чертей	36
Роковая ночь	37
Возрождение во времени, или Обман веков	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Елена Коровина

Великие загадки мира искусства. 100 историй о шедеврах мирового искусства

Застывшая красота

Главная загадка мира: миссия Большого египетского сфинкса

Это самая грандиозная в мире статуя, созданная за времена человеческой цивилизации. Высота этого мифического существа, вырубленного прямо из скальных пород, – более 20 метров, длина – около семидесяти. Впрочем, многие верят, что этого гиганта создали совсем не люди. Разброс имен создателей грандиозен и поражает умы: от древних атлантов до представителей внемозных цивилизаций. И в самом деле, вид колосса непривычен для земного глаза: у него тело и лапы льва, крылья орла и голова человека, правда, исследователи до сих пор не сойдутся на конкретике – мужчины или женщины. Воистину – мифическое существо!

Впрочем, астрологи говорят несколько иное. Они считают, что у существа тело быка (тельца), лапы льва, крылья орла (в астрологии – аналог скорпиона) и лик человека-девы. Отсюда вывод: это мифическое существо олицетворяет основные знаки зодиака (Телец, Лев, Скорпион, Дева), а значит, не просто мифическую, а вселенскую сущность. Словом, чем больше вглядываешься – тем больше загадок находится. И как правило, все они без ответа.

Большой египетский сфинкс в Гизе

Загадочная непостижимость – вот главная черта этого каменного существа. Да и как иначе – он же Великий египетский сфинкс. Громадный хищник, вечно бодрствующий, охраняющий покой пирамид в Гизе. Каменная сущность, изваянная в незапамятные времена, все видевшая, все слышавшая, но обо всем молчащая. Мистический спутник, сопровождающий человечество на всем его пути...

Кто он? Откуда взялся? Зачем поставлен? Неужели египтология, наука столь продвинувшаяся в последнее время, не может дать разгадки? Ведь этот страж стоит рядом с пирамидами тысячи веков. За это время о нем должны были бы вестись разговоры и споры, в анналах истории встречаться упоминания. Увы... Снова загадка, и совершенно мистическая: вплоть до недавнего времени ни в одном найденном папирусе или глиняной табличке Древнего Египта сфинкс не упоминался. А ведь египтологи уже узнали о многих деталях в жизни Египта: записи законов и распорядка жизни фараонов, рассказы о строительстве пирамид и храмов, о быте знати и простых людей. Сохранились таблички, упоминающие о строителях и живописцах, должниках и писцах. Но о самом величественном колоссе – ни строки!

Не говорится о сфинксе и в трудах древнегреческого историка Геродота, посетившего Египет в 445 году до н. э., хотя великий историк подробно рассказал (отчитался потомкам) обо всем: фараонах и пирамидах, обычаях и пище египтян, украшениях и тканях. Но ни словом не обмолвился о грандиозном каменном существе. Не мог же он не заметить эдакую махину?!

Однако – не он один! Египет посещали философы Гекатей Милетский и Гекатей Абдерский, потом знаменитый путешественник-географ Страбон, оставившие и свои записи.

Но и там ни слова о сфинксе. Ну просто какой-то заговор молчания! Или они действительно не видели сфинкса?

Историки дают разные ответы, изучая такой казус. Сфинкс стоит в пустыне, которая часто заносила его песком, закрывая с головой. Но неужели любопытствующие путешественники Античности не обратили внимания на огромную гору около пирамид? Ведь и замеченный песками сфинкс становился еще огромнее. Да и провожающие путешественников египтяне отлично знали, кто скрывается под грудой песка. Почему же не рассказали? Не хотели? Не могли?

Скорее всего, и то и другое. Ведь сфинкс являлся священным для египтян, а о святынях не должно говорить с чужаками. Жители Египта трепетно относились к каменной скульптуре, следили за ней и очищали от песка как могли. В конце XIX века в Египте была найдена стела, надпись на которой рассказывала о том, что фараону Тутмосу IV (XV век до н. э.) во сне явился бог Гор Двух Горизонтов (бог сна) и повелел расчистить статую сфинкса от песка. Тутмос в то время был еще только наследником, кроме него на трон фараона претендовало еще несколько царевичей. Но Гор объявил, что, если Тутмос выполнит его приказ, трон достанется именно ему, а царство его будет ожидать процветание. Естественно, Тутмос тут же отдал приказание и не пожалел средств для работ. И царство его действительно процветало.

И это не единственная легенда веков, связанная с каменным колоссом. Собственно с ним была связана вся история Египта. Не эти ли предания – указания веков «повелели» древним египтянам не показывать своего сфинкса ни Геродоту, ни Гекатеям, ни Страбону?

По легенде, Большой сфинкс не каменное, а живое существо. Вообще-то изображение сфинкса было распространено в древней стране. Но живым считался только Большой Гигант. Древние египтяне верили, что он каждую ночь обходит – облетает – обегает (вот для чего лапы льва и крылья орла) всю страну, охраняя ее от злых духов. Отсюда и человеческая голова – надо же не просто смотреть, но осознавать, мыслить! Вот только, обходя страну, сам Сфинкс принимает на себя песчаные бури и другие разгулы стихий, и потому, возвращаясь на свой пьедестал к утру, все глубже и глубже погружается в пески.

По другой легенде, Страж сфинкс переживает за порядок страны, которую ему поручено охранять. И когда жестокое и злое поведение рода человеческого (войны, вражда, набеги) начинает его раздражать, ночью он спрыгивает с пьедестала и убегает в пустыню, чтобы хоть там обрести душевное спокойствие и отдохнуть под звездами. С горя он даже зарывается в песок и часто не может потом отряхнуться. А для того, чтобы вернуться, сфинкс должен быть уверен, что его логово (постамент) безопасно, что о нем не знают посторонние. Поэтому долгое время египтяне и считали, что о Страже нельзя говорить, сведения о нем нельзя записывать.

Иначе однажды Большой Страж может и не вернуться. Тогда некому станет следить за законным порядком и мир обрушится в хаос.

Увы, настали новые времена, когда о сфинксе знает каждый человек на планете. Древний бедняга подрастерял свою благородную мистическую силу и стал туристическим брендом, «зазывателем» гостей со всех волостей. Старейшая держава оккультной мощи стала просто приманкой для любопытных зевак-туристов. Все идет на продажу: священные мумии, древнейшая погребальная утварь, папирусы с тайными знаниями. Священные места – пирамиды и Большой сфинкс – всего лишь картинки, размноженные на бесчисленных рекламных буклетах. Может, и правы были древние: мир, видящий в сфинксе только разменную монету, действительно погружается в хаос?..

Словом, сохранить Большого сфинкса в тайне не удалось. И, путешествуя сквозь века вместе с людьми, бедняга натерпелся от них воистину гигантских мучений. Когда-то бывший священным существом для древних египтян, он стал непонятной фигурой – даже презираемой – для их дальних потомков. Мусульманские правители увидели в нем воплощение зла. Один из них приказал отбить сфинксу нос, другой – лапы. Люди уродовали статую сильнее, чем все стихии, вместе взятые. Мамелюкам пришла в голову мысль использовать лицо сфинкса в качестве мишени для своих пушек. Надо же пушечникам на чем-то тренироваться! Наполеоновские солдаты палили в бедного сфинкса из ружей. Надо же учить солдат прицеливаться! Англичане отбили у несчастного фараону бороду, которую когда-то приказал приделать к статуе еще Тутмос IV, чтобы сфинкс стал походить на правителя. Отбитый трофей увезли в Британский музей, уверяя общественность, что там-то борода лучше сохранится, чем на самом сфинксе. Ну не издевательства ли?! Воистину сбывалась старинная легенда: мир, не уважающий сфинкса, погружался в хаос.

А бедная статуя разрушалась, так и не открыв свои тайны. Люди даже не смогли узнать, когда, собственно, был создан каменный гигант. В XX веке профессор геологии университета Бостона доктор Роберт Шох рассчитал годы жизни сфинкса исходя из того, что его каменное тело сильно разъели дождевые потоки. «Когда же в Египте были века дождей? – подумал профессор. – Ведь сейчас гигант находится в пустыне...» Ученый привлек специалистов по климату, и всем вместе им удалось доказать, что были в Египте и дождливые времена – между 7 и 5-м тысячелетиями до н. э. Этими годами Шох и датировал возможность создания сфинкса. Другой ученый, Джон Уэст, пошел дальше. Он посчитал, что «основная эрозия на каменном теле сфинкса произошла в более ранний дождевой период – до 10000 года до н. э.».

Внесли свою лепту и мистики. Елена Блаватская, Николай и Елена Рерих считали, что потомки атлантов воздвигли Большого сфинкса 200 тысяч лет назад. Знаменитый американский ясновидящий Эдгар Кейси увидел в своих вещих снах, что «пирамида Хеопса и легендарный сфинкс были построены между 10490 и 10390 годами до н. э.». Словом, и тут одни загадки без ответов.

Тайна – и само место стоянки сфинкса. Многие исследователи считают, что гигант стоит на особой платформе из скальных пород. Более того, эзотерики уверены, что под скульптурой – подземный храм, соединенный скальными туннелями с пирамидами. В центре, под пирамидой Хеопса, – подземное озеро, посередине которого остров. На нем-то и спрятаны подлинные мумии правителей Египта, а те, что находят в пирамидах, – мумии не настоящих фараонов, а всего лишь слуг. Мумии властителей надежно спрятаны. Ход в их тайные усыпальницы как раз и сторожит мудрый сфинкс. Когда-то великие жрецы знали проходы от сфинкса к пирамиде Хеопса, а потом прямо к подземному острову. Но со временем тайные знания забылись. Но люди все равно стремятся к разгадке тайн.

В середине XIV века монах францисканского монастыря в Болонье, Франьо (Раньо) Неро, составил труд «Вечная книга. Оракул», ставший ныне легендарным, ибо практически все его предсказания, созданные до 2000 года от Рождества Христова, подтвердились. Так вот

в своем «Оракуле» Неро упомянул и сфинкса. «Есть на Востоке великий каменный идол всех времен и народов, хранящий весь опыт человечества», – записал монах и предрек, что, разгадав загадку сфинкса, люди узнают о том, как жить вечно или продлевать жизнь до того возраста, «когда уже захочется перейти из нашего мира в мир Вечный». Неро увидел под статуей какой-то особый «сейф», где скрыты знания о болезнях, о смысле жизни, там же находится хранилище с семенами всех растений земли. То есть сфинкс – место хранения Вечной мудрости.

Удивительно, но спустя 600 лет после написания «Оракула», в середине XX века, Эдгар Кейси увидел в вешем сне похожее: под правой лапой сфинкса находится потайная камера. Ясновидец назвал ее «залом записей», где хранится вся записанная атлантами история человечества «с самого начала до постройки Великих пирамид», то есть до того времени, когда последние атланты еще жили в Древнем Египте. Словом, видения совпали. А может, просто Кейси сказал то, что прочел у Неро? Нет, американец никак не мог сделать этого! Дело в том, что рукопись францисканского монаха нашлась только в 1972 году. На нее наткнулись случайно. Боясь церковного преследования, монах сумел надежно спрятать свой труд. Он вложил страницы «Оракула» в книгу «Травы Тосканы», явно уверенный, что это скучное творение вряд ли кто станет читать. Кейси же заговорил о сфинксе в 1945 году – почти за 30 лет до находки «Оракула» в монастырской библиотеке близ Болоньи. Но удивительно, что оба предсказателя говорили об одном. Так, может, допустить, что они правы: сфинкс – своеобразный сейф веков, где хранятся страницы Вечной мудрости?

Однако ныне мир более заинтересован в поисках золотого тельца, нежели какой-то мифической мудрости. И сфинкс все сильнее приобретает иные – далеко не благородные черты стража человечества. Каменный колосс все чаще олицетворяется с проклятьем человечества. Еще древние греки, не видя самой статуи, по слухам создали собственный образ сфинкса.

Кстати, само имя «сфинкс» греческого происхождения. Как выяснили египтологи XX века, древние египтяне называли его «шепсес анх» – живой образ. Он действительно был для них живым: благородным помощником и бесстрашным стражем. И если много веков считалось, что сфинкс был возведен в пустыне только для того, чтобы стеречь покой умерших, то XX век открыл, что это не так. Вокруг статуи археологи раскопали фрагменты древнейшего города. То есть страж охранял реальных живых людей. Египтологи даже сумели понять, что случилось с древнейшим поселением: его разрушили по приказу кого-то из первых фараонов. Город не угодил правителю, и его стерли с лица земли. Только вот уничтожить статую, которую и глазом-то охватить трудно, ни один приказ фараона не смог. Сфинкс устоял, породив сотни легенд.

Легенды, вернее, мифы древних греков всегда отдавали, как бы сказали сейчас, «триллером и сюжетами фильма ужасов». Под стать другим оказался и миф о сфинксе. Греки упразднили его мужской род, некогда существовавший в Египте: на Пелопоннесе мифическое существо стало женщиной, хотя когти льва и крылья орла остались. Зато крылатая дева-львица обрела у греков собственный статус безо всяких там тайн: Сфинга (так зовут ее на древнегреческом) стала душегубицей, что, собственно, и значит ее имя. Скрупулезные греки даже выявили ее родословную: их Сфинга родилась от чудовищ Тифона (полузмея) и Ехидны (ну уж ее-то знают даже наши современники). Появилась и биографическая легенда. Высшая богиня Гера (супруга Зевса) послала Сфингу к городу Фивы – и не охранницей-стражем, как в Египте, а в качестве орудия наказания за грехи фиванского царя Лая. Любого, кто хотел войти в город, Сфинга хватала и задавала ему загадку: «Кто ходит по утрам на четырех ногах, днем – на двух, а вечером – на трех?» В другом варианте загадка звучала так: «Кто имеет утром четыре ноги, днем – две, а вечером – целых три, но и они не придают ему силы?» Ни один путник не мог отгадать коварную загадку, и греческая дева-сфинкс пожирала их. Но однажды к Фивам подошел мудрый Эдип, сын Лая и его супруги, царицы Иокасты. Впрочем, Эдип не знал об этом

родстве. Он был усыновлен царем Полибом и его супругой Меропой и искренне считал их настоящими родителями.

Встретив злобного царя Лая, Эдип повздорил с ним и убил. Как сказал бы гений психоанализа XX века незабвенный доктор Фрейд, Эдип начал воплощать в жизнь комплекс своего имени, когда каждый мужчина мечтает освободиться от своего отца и завладеть своей матерью.

Конечно, древний Эдип не мог знать о своих комплексах, поэтому, встретив у стен Фив деву-сфинкса, он быстро разгадал ее загадку и вошел в город. Там он влюбился в царицу Иокасту, не зная, что она его мать, и женился на ней. Словом, комплексы доктора Фрейда восторжествовали, но злобная Сфинга была повержена. От досады, что ее загадка разгадана, она бросилась в пропасть с высокой скалы. С тех пор сфинкс становится олицетворением тайны, загадки, которая несет гибель. То есть из древнейшего стража порядка крылатый гигант со временем превратился в проводника хаоса.

Теперь уже и сам лик сфинкса воспринимался европейской цивилизацией не величавым, мощным или даже отрешенно-вечным, как в Древнем Египте, а экспрессивным, непонятным, таинственным и ужасным в этой непонятной таинственности, впрочем, как и вся древнеегипетская цивилизация, мало понятная нынешнему европейцу. Весьма показательным оказалось восприятие сфинкса Наполеоном Бонапартом в его египетском походе. Когда в самом конце XVIII века его армия вторглась в Долину царей, пирамиды поразили французов, в том числе и будущего императора, величиим и мистической мощностью, а вот сфинкс прямо испугал. А все потому, что в разное время суток солнце по-разному освещает каменного стража. В утренних лучах его лик кажется спокойным и даже безмятежным. Но по мере скольжения солнечных лучей по статуе ее лик приобретает зловещий, сумрачный и даже угрожающий вид. К тому же в Египте темнеет почти мгновенно. Так что Бонапарт не раз видел, как сфинкс приобретает ужасное выражение и начинает скалить зубы. Не потому ли он приказал своим солдатам стрелять прямо в лицо древнего стража? Вот только изуродованный лик стал еще более отвратительным и угрожающим. А может, он просто предвидел ужасную судьбу самого Наполеона?..

Так, может, человечество и вправду просто приписывает сфинксу собственные зловещие черты? Идут века, и войны, эпидемии, катастрофы становятся все ужаснее, бесчеловечнее, масштабнее. Ну а сфинкс проходит историю цивилизации вместе с человечеством. Не оттого ли благородный Большой сфинкс – шепсел анх, живой образ – превращается людьми в устрашающее чудовище, символ не жизни, но смерти?..

Мистический резонанс, или Предупреждение сфинксов

Санкт-Петербург – город мостов, каждый из которых является шедевром архитектуры и техники, уникальным украшением города. У каждого – своя тайна. Мост, соединяющий Коломенский и Безымянный острова через реку Фонтанку, изначально считался чудом архитектуры, поскольку должен был висеть на тройных нитях металлических цепей и назывался Цепным. Он строился в 1825–1826 годах известными инженерами В. фон Троттером и В. Христиановичем и считался новым словом в технике: длина пролета составляла 55 метров, ширина – почти 12 метров. Украшали его фигуры четырех сфинксов, будто охраняющих мост с обеих сторон.

Египетский мост

Фигуры эти были изготовлены по моделям академика скульптуры П.П. Соколова, он же предложил украсить мост египетской символикой. Император Николай I, лично следивший за созданием моста, приказал денег не жалеть, «придавая мосту размах роскоши». Так что головы сфинксов щедро позолотили, равно как и восточные орнаменты с иероглифами. Вся эта египетская роскошь так впечатлила горожан, что мост тут же назвали Египетским. Со временем, конечно, едкие петербургские туманы согнали позолоту, роскошь сошла и сфинксы приобрели облезлый и унылый вид.

В полдень 20 января 1905 года к Египетскому мосту подошел конно-гренадерский полк. Военные были тут частыми гостями – неподалеку располагались армейские казармы. День выдался пасмурным. Солдаты, ведущие под уздцы лошадей, рассеянно смотрели на низкие наползающие тучи, на металлические конструкции и тройные нити цепей, покрытые зимней грязью и пятнами ржавчины. Навстречу полку по мосту ехали городские извозчики, шли пешеходы. Словом, кипела обычная городская жизнь. И вдруг пролеты моста, разорвавшись, рухнули на лед Фонтанки. Крики и стоны людей смешались с хрипом и ржанием упавших лошадей. Началась паника...

Уже к вечеру петербургские газеты так описали катастрофу: «Сегодня в 12 с половиной часа дня при следовании лейб-гвардии конно-гренадерского полка через Египетский Цепной мост через Фонтанку, по направлению от Могилевской улицы к Ново-Петергофскому проспекту, в тот момент, когда головная часть полка уже подходила к противоположному берегу, мост обрушился. Находившиеся впереди офицеры успели проскочить на берег, нижние же чины, в количестве двух взводов, шедшие в строю справа по три в ряд, вместе с лошадьми упали в воду. Упали также в воду проезжавшие в обратную сторону один ломовой и четыре легковых извозчика без седоков и несколько пешеходов... К 2 часам дня люди и лошади были извлечены из воды. Пострадавшие были отправлены в ближайшие приемные покои и в лазарет Николаевского артиллерийского училища. Seriously пострадавших, по официальным сведениям, не оказалось».

Однако мост уже не подлежал восстановлению. Вся его настилка вместе с перилами и скреплениями, разорвав цепи и сломав часть чугунной опоры, проломив лед, оказалась на дне реки. И только четыре загадочных и неподвижных сфинкса остались сидеть на гранитных плитах по обоим концам своего Египетского моста.

Естественно, началось расследование «причин несчастья». Тут же возникли версии: «раскачка моста кавалерией» или «не вполне прочная конструкция». Против «непрочности конструкций» восстали инженеры. Они напомнили, что Египетский мост со дня своего официального открытия – 25 августа 1826 года – ремонтировался пять раз, только в прошлом, 1904 году два раза, и был признан «находящимся в хорошем состоянии».

Что же касается «раскачки моста кавалерией», то действительно, ритмичные колебания слаженного шага военных могут вызвать эффект резонанса. Именно эта версия и показалась тогда наиболее верной. Она так поразила общество, что ученые сочли нужным включить обрушение Египетского моста во все учебники истории, физики и военного дела. Именно тогда и появилась команда: «Идти не в ногу!», которая дается любому строю перед вступлением на мост.

Казалось бы, «причина несчастья» найдена. Однако появилось множество очевидцев катастрофы. Они-то и опровергли версию резонанса, потому что утверждали: солдаты шли не в ногу, некоторые вообще проезжали мост на лошадях. И вряд ли лошади были выдрессированы «ходить в ногу». К тому же навстречу ехали извозчики, по тротуару брели прохожие. Словом, никакого слаженного хода не было, а значит, и резонанс не мог возникнуть. Его отсутствие подтвердили и физико-математические расчеты и эксперименты, проведенные учеными Петербурга. Словом, резонанс попал под вопрос.

Зато появилась версия романтическая – почти городской фольклор. Молва вспомнила, что в одном из домов на Фонтанке проживала дочь скромного почтмейстера Мария. И вот, как на грех, повадилась она посещать офицерский клуб да встретила там с бравым воякой-красавцем. Тот был жгучий брюнет с голубыми глазами, вот и не устояло сердце девичье. Да только офицер обманул девицу: пообещал жениться, но слова не сдержал, польстившись на богатенькую. Ну а брошенную девушку его приятели-офицеры подняли на смех, прозвав Марией Египетской, то ли потому, что жила она у Египетского моста, то ли потому, что звалась так в Библии девица весьма легкого поведения.

И вот однажды обманутая Мария выглянула в окно и увидела на мосту тот самый полк, где служил ее обидчик с приятелями. И так у нее сердце разобралось, что выкрикнула она в гнев: «Чтоб вам, военным, провалиться!» Было как раз 20 января 1905 года, и, видно, Бог услышал ее молитвы – в ту же секунду мост рухнул вниз, увлекая за собой весь полк.

Вспомнилась и историческая версия обрушения. Дело в том, что мост оказался облицован особыми гранитными блоками, вынутыми из стенок рвов Михайловского замка. Почему уж так вышло, за давностью лет не понять: может, нужного камня не нашли, может, в строительной спешке что-то напутали, но только за пару недель до надвигающегося официального

открытия в 1826 году быстренько привезли черный гранит с Михайловского замка и облицовали им устои моста.

А Михайловский замок пользовался в Петербурге зловещей славой. Мало того что именно там был убит император Павел I, да еще и мрачные стены замка навевали на горожан ужас уже с первого дня строительства. Поговаривали, что замок был построен по мистическому плану, насыщен мальтийской символикой. Шептались и о том, что гранит на постройку брали с мест древних капищ и потревожили прах старинных богов, которые и прокляли строительство. И вот теперь проклятый черный гранит Михайловского замка навлек новую беду на Петербург.

Но была и самая таинственная версия обрушения Египетского моста – зловещее влияние сфинксов. Историки и оккультисты давно заметили, что мистическая культура Древнего Египта, направленная на стремление к смерти, как-то неожиданно, но властно прижилась в северном городе, традиционно именуемом городом-призраком. Мало того что Эрмитаж хранит множество древних артефактов, но и прямо на пристани, напротив Академии художеств, стояли в петербургском тумане древние сфинксы, привезенные в 1832 году из самого Египта. Были те сфинксы созданы еще в эпоху Аменхотепа III и считались священными. Правда, фигуры Египетского моста такой древней «биографией» не обладали, а были всего лишь «новоделами», созданными к открытию моста. Но все равно, сфинкс есть сфинкс: чудовище, загадывающее мистические загадки и изрекающее мрачные пророчества.

И надо сказать, что Египетский мост тоже не молчал – он пел. Его даже называли Поющим. Поразительно охарактеризовала его «Петербургская газета» от 18 января 1901 года: «Поющий мост. Оказывается, и такой есть в Петербурге. Это Египетский. Он, как известно, цепной системы, и когда вы едете по нему, то его цепи издают самые разнообразные заунывные звуки. Не поет ли уже он себе погребальную песню?» Что ж, репортер газеты оказался проводником почище самих сфинксов...

За месяц до катастрофы, в рождественские дни 1904 года, петербуржцы стали замечать, что «заунывное пение» слышится все громче. Поэты и мистики тут же заявили, что «под звон цепей моста поют четыре сфинкса». И песня эта предвещает «ужасные события». И вот пророчества начали исполняться: сначала случилось Кровавое воскресенье 9 января 1905 года, потом рухнул Египетский мост. По всем канонам мистики ожидалось третье исполнение пророчества. Увы, в начале 1905 года никто и не подозревал, что скоро события 9 и 20 января покажутся цветочками. И не рухнувший мост станет падать в пропасть, а государство, объятые вихрем революции 1905 года.

Впрочем, все несчастья когда-нибудь да заканчиваются. Закончились революции, отгремели войны. Между прочим, сфинксы пережили блокаду вместе со всем городом на Неве. После Великой Отечественной войны было разработано целых 17 вариантов возрождения Египетского моста. Победил проект инженера В. Демченко, архитекторов П. Арешева и В. Васильковского.

И вот мост возник заново – в своем классическом виде, но в новом инженерном решении и современных материалах. Строительство длилось два года (1954–1956). Старинных сфинксов отреставрировали, добавив к ним фонари-обелиски. Возродили иероглифы, орнаменты, цветы лотоса. Казалось бы, все устои – и моста, и окружающей его жизни – вновь незыблемы. Но в 1989 году на одного из сфинксов налетел автомобиль. На его капоте почему-то красовалась алая ленточка с серпом и молотом – гербом СССР. Люди не пострадали, но чугунный сфинкс от сильного удара рухнул в воду Фонтанки. Когда беднягу вытащили, он оказался сильно поврежден. Мистики восприняли новую катастрофу как знак, предвещающий нечто зловещее. Долго ждать не пришлось – страна с серпом и молотом развалилась на части.

Конечно, в «лихие девяностые» было не до скульптур, хоть и самых значимых. Но в начале XXI века на злополучном Египетском мосту выявилось множество трещин, сколов и других дефектов. Разошлись даже гранитные блоки, на которых сидят злополучные сфинксы,

и образовалась щель в 2 сантиметра. От любого толчка сфинксы могли бы рухнуть в воду! И в 2004 году власти Петербурга срочно взялись за реставрацию. Вот тут-то и вспомнилось, что головы сфинксов изначально были позолочены. Реставраторы тщательно позолотили их вновь. Старые петербуржцы вздохнули свободнее: кто знает, может, сфинксы и бедокурили оттого, что их головы оказались не в порядке?.. Словом, теперь мистические создания начали взирать на мир, словно не сфинксы, а золотые тельцы. И под их взором богатство потянулось в город. Да только опять ненадолго – начался 2008 год, и вдруг грянул кризис...

Загадка богини

Эта самая прекрасная женская скульптура окутана тайной веков. Говорят, когда-то в незапамятные времена богиня Афродита родилась из морской пены, которую прибило к острову. Но около 200 лет назад она вновь явилась людям на острове, но не из пены морской, а из темного земляного склепа. Кто и когда соорудил этот склеп – загадка, равно как и то, кто создал прекрасную беломраморную статую и зачем спрятал ее. Даже история находки Венеры Милосской полна непостижимых тайн. Впрочем, так и положено в жизни истинной богини.

Весна 1820 года выдалась нелегкой на небольшом греческом острове Милос. Сначала остров потрепали ветра Эгейского моря, за ними зарядили дожди. И только потом появились первые лучи благодатного солнца. Рыбаки, привычно и спешно переквалифицировавшись в крестьян, потянулись на пашню.

Плуг Йоргаса Кастро Буттониса застрял в большой трещине. Наклонившись, ошарашенный крестьянин обнаружил внизу старинный склеп. А на дне его – отлично сохранившуюся беломраморную богиню красоты. О находке крестьянин рассказал сыну и племяннику. Вместе они уже начали мечтать, как продадут статую и станут богачами. Ночью троица тайком отправилась доставать находку. Но та оказалась слишком тяжелой. И когда сын с племянником резко рванули мраморную фигуру, ее верхняя часть неожиданно отделилась от нижней. Этот бюст и принесли домой. А неподъемную нижнюю часть пришлось оставить в склепе, для надежности присыпав землей.

Венера Милосская

Покупатели нашлись быстро – на Милос как раз пожаловала французская бригантина «Лашеврет». Буттонис предложил статую молодым офицерам – поручику Дюмон-Дюрвилю

и лейтенанту Матереру. Те явились к нему под покровом ночи, скрывившись от обстановки нищеты: грубо сколоченный стол, трухлявые тюфяки, соломенные циновки. Но на одной из вытертых циновок лежал мраморный бюст женщины невыразимой красоты. С первого взгляда становилось ясно – древняя античная работа...

«Нижняя часть статуи в подземелье! – прошептал Буттонис. – Турки, нынешние хозяева острова, запретили нам иметь дела с иноземцами, но я покажу вам тайно!» И французы ринулись в ночь за хозяином. Залезли в склеп, освещая путь фонарями. Выбравшись, начали уговаривать крестьянина, путая французские, греческие и турецкие слова, никому не показывать величайшую находку и тем более не продавать! Сейчас у офицеров нет денег на покупку, но они расскажут о ней своему начальнику, французскому послу. Тот пришлет за статуей и отблагодарит Буттониса по-царски. Крестьянин, плохо понимая, слушал, но кивал.

Услышав рассказ своих офицеров, маркиз де Ривьер, страстный коллекционер антиков, предпринял срочные меры: тайно направил на Милос посольский корабль «Эстафета». Корабль под командованием секретаря посольства, виконта Марсюллеса, прибыл на остров под вечер, но, едва вошел в залив, луна высветила там еще один корабль. Схватив бинокль, виконт рассмотрел турецкий флаг, а на берегу матросов, которые на веревках волокли нечто беломраморное и тяжелое. Видать, проклятый крестьянин нашел-таки покупателя.

«Десант, по вельботам! – заорал Марсюллес матросам. – Гребите к берегу! Если сумеете отвоевать статую у турков, всем бочка вина!» Матросы налегли на весла. «Не стрелять! – снова закричал виконт. – Можно поранить Венеру!»

Турки увидели французов и сделали немыслимое: чтобы быстрее доставить статую к своему баркасу, они сбросили ее с веревок и покатали по отлогому склону, как бочку. Марсюллес в ужасе схватился за голову: эти идиоты загубят шедевр! Наконец, французские моряки причалили к берегу и бросились на турок. Началась схватка. Все смешалось в рукопашном бою. Тогда-то статуя и треснула снова. Подхватив свою часть, турки ретировались к фелюге. А Марсюллесу, подбежавшему к месту схватки, досталась только верхняя часть Венеры, валявшаяся в грязи.

Испачканный бюст спешно завернули в рогожу и отнесли на корабль. Там Марсюллес развернул отвоеванную часть Венеры и в ужасе уставился на бюст – у богини не было рук...

Разгневанный маркиз де Ривьер отправил на Милос еще один корабль, чтобы матросы обыскали берег. Ничего! Тогда маркиз обратился к турецкому султану. Тот отказался продавать свою часть статуи. К тому же прознавшие о чудесной статуе русские купцы, торговавшие в Константинополе, тоже возжелали купить хотя бы часть статуи. Но купцам не хватило денег. Они спешно отправили бумагу в Петербург, прося ссуду у российского правительства. Просьба канула в бюрократическую трясиину. А жаль – Венера Милосская могла бы стать русской!..

Между тем Ривьер собрал нужную сумму и выкупил «турецкую часть». Но рук не было и у султана! Пришлось маркизу соединить то, что есть. Венера заняла в его коллекции почетное место, но, к сожалению, без рук... К тому времени уже начался период осложнения отношений с греками. Те заявляли: несмотря на то что сейчас Греция с Милосом и находятся в турецком владении, во времена создания Венеры греки были свободны. Так что теперь они требовали вернуть статую на ее исконную землю. Ривьер не стал дожидаться, когда его на весь мир ославят вором, а бедную Венеру – краденной. Ловкий дипломат сделал не менее ловкий ход – подарил ее своему господину, королю Людовику XVIII. Пусть разбирается! Однако и король не пожелал сомнительной статуи – богиню отослали в музей Лувра. И вот в 1821 году Венера Милосская явилась миру, выставленная на всеобщее обозрение.

Очереди в Лувр вились кольцами. Искусствоведы гадали: кто автор? Но зрителей больше интересовало, что богиня держала в руках. Дискуссия разрасталась. Одни считали, что в руках у Венеры было зеркало, другие утверждали, что богиня от стыдливости поддерживала руками

покрывало. И только спустя полвека, в 1872 году, французский посланник в Греции Жюль Ферри понял, как раскрыть эту загадку. Да нужно просто спросить у Буттонисов!

Отца семейства к тому времени не было в живых, но его сын и племянник, дряхлые и нищие, все еще ютились в семейной лачуге, зная, турки не щедро с ними расплатились. Находчивый Ферри достал несколько золотых: «Вы помните Венеру? Что было у нее в руках?» Старички недоуменно воззрились на приезжего: «Конечно, яблочко, господин!»

Статья Ферри в научном журнале произвела сенсацию. Знатоки античности заахали: как такой простой ответ никому не пришел в голову? Конечно, Венера держала яблоко, ведь именно его дал ей Парис, признав прекраснейшей из всех земных женщин.

Однако общественность не удовлетворилась разгадкой. Люди хотели видеть все своими глазами. XX век начался с новой экспедиции: в 1901 году энтузиасты перерыли берег Милоса, на котором когда-то нашлась Венера. Но никаких утерянных рук...

К середине века начались сенсации. Сначала в 1964 году турецкий профессор Ахмед Ресим заявил, что знает, где находятся утраченные руки богини, но нынешние владельцы вернут их, только если французы перевезут статую в Стамбул. Услышав такое, искусствоведы заявили, что это чистое вымогательство. Затем мир облетело известие, что Лувр получил секретное послание о нахождении «самых великих рук мира», но второго послания в музей не пришло, и газеты объявили слух рекламным трюком. Ну а потом пришло и совсем невероятное известие: некий бразильский миллионер приобрел «руки Венеры» за 35 тысяч долларов (напомним, шли 70-е годы XX века, стоимость доллара была куда выше сегодняшней), но согласно условиям продажи может предъявить покупку миру только через три года. Лувр замер в ожидании и, наконец, через три года получил копии рук. Увы, сенсации не произошло: вердикт, вынесенный учеными, был краток: эти руки чьи угодно, но только не Венеры Милосской!

Но бум было уже не унять. На протяжении всего XX века то тут, то там появлялись «чудом найденные Венерины руки». Конечно, экспериментировать над бесценной статуей работники музея не позволяли, но иногда под нажимом общественности составляли странные фото, на которых красавица появлялась то с одними, то с другими руками. Все такие фотографии вызывали шок – Венера с руками теряла красоту и обворожительность. Более того, дама с руками становилась чудовищной!..

«Ну почему нам так хочется «привинтить» руки Венере, подогнать красоту под наше понимание? – написал после одного такого эксперимента обозреватель «Фигаро». – Почему мы кидаемся улучшить? Гении прошлых веков преподнесли нам прекрасный урок: сила красоты – не в понятности, а в загадочной тайне, которую хочется приоткрыть. Но делать этого не следует!»

Наверное, обозреватель «Фигаро» прав. Ведь должна быть в женщине какая-то загадка, тем более в богине. Пока сохранена тайна, она будет притягательна и прекрасна.

Пока строится собор

Говорят, кафедральный собор в немецком городе Кельн строится вот уже восьмой век. Но разве такое возможно?! Это что: обман или какая-то тайна?

Все началось еще в середине XII века. Архиепископ немецкого города Кельна Райнальд фон Дассель вывез из итальянского города Милана великие военные трофеи – мощи трех волхвов, тех самых, что пришли на свет Вифлеемской звезды, дабы первыми поклониться новорожденному младенцу Христу и принести Мессии свои дары.

«Это же величайшая святыня христианского мира! – решил архиепископ. Их следует поместить в наидостоинейшее место». Однако действующий тогда в Кельне кафедральный собор – хоть и старинный, намоленный, почитаемый горожанами, но небольшой и невысокий – явно не подходил для такой великой миссии. К тому же собор был маловместительным, а ведь к мощам станут приходить паломники со всей Европы. Нет, для столь величественного христианского поклонения нужен был собор грандиозный, всеохватный, возможно даже, крупнейший собор в Европе, а может, и во всем мире. Его купола и шпили должны уходить в небо – туда, где светилась Вифлеемская звезда.

Кельнский собор

И вот городские власти, подстрекаемые архиепископом, постановили: снести старый собор, а на его месте возвести новый – самый большой по северную сторону Альп. Пусть все увидят, что не только в Италии христианские святыни покоятся в величественных церквях и соборах. Короче, горожан обуяла гордыня. И только настоятель старого городского храма воспротивился: «Стены нашего собора помнят еще Карла Великого! Нельзя разрушать память. Постройте новый собор, но старый оставьте!» Однако горожане не послушали настоятеля. «Разрушим старый собор! Построим на его месте главный собор мира!» – закричали они, собравшись на главной площади. И тогда громовой голос настоятеля загремел над площадью: «Да не будет же никогда достроен этот собор! А коли достроится, случится страшное – придет Апокалипсис и грянет Судный день!»

Пророчество показалось столь жутким, что строительство отложили. Но прошло несколько десятилетий, выросло поколение, уже не помнившее проклятия давно покойного настоятеля. И старый храм решено было все же снести.

В 1248 году, спустя почти сто лет, после того, как Райнальд фон Дассель привез в город мощи волхвов, новый архиепископ Конрад фон Хохштаден приказал начать строительство и собственноручно заложил первый камень в основание будущего собора веков.

Замысел был воистину грандиозный. Готические шпили собора взмывали ввысь на 157 метров – чтобы молитвы верующих как можно быстрее доходили до Бога на Небесах. Алтарь, залы, капеллы, башни, помещения внутри ограды создавали громадный лабиринт – целый мир духовного преображения на земле человека, готовящегося перейти в мир горний. Лучшие мастера трудились над фресками и скульптурами, витражами и мозаиками, ковали ограды, тесали скамьи. Но работы затягивались. За первые двадцать лет отстроили только небольшую часть главного зала, где поместили золотой саркофаг с теми самыми легендарными мощами волхвов. Потом весь зал достраивали еще больше пятидесяти лет. Только к 1440 году в Мариенкапелле (капелле Девы Марии) появился изумительный по красоте алтарь со сценой «Поклонения волхвов» работы великого немецкого живописца Стефана Лохнера. Но видно, и он «заразился» медленными темпами – много раз дописывал и переписывал свою картину. Собор же все строился и строился...

Только 15 октября 1880 года собор наконец-то решили освятить. Это более чем через 600 лет после закладки первого камня! На освящение прибыл сам германский император – престарелый Вильгельм I и, конечно, были приглашены гости со всего мира, ведь это был повод продемонстрировать влияние Германии. Вечером монарх решил лично осмотреть строение, но, обойдя собор, наткнулся на только что начатую кладку у западного нефа. «Что это?» – удивился монарх. «Так не доделали еще, – дрожащим голосом ответил бригадир каменщиков и попытался напомнить: – Легенда есть...» И он рассказал монарху про то, что собор нельзя достраивать, иначе случится конец света. Ну а вечно недостроенный собор – настоящий Страж Апокалипсиса на грешной земле. Пока строится Кельнский собор – живет-строится и весь мир.

Император крикнул, огляделся вокруг и вдруг произнес: «Надо бы и вон ту стенку положить заново!» Бригадир каменщиков удовлетворенно хмыкнул и позвал своих рабочих. Строительство продолжилось.

Так и создается сей «вечный долгострой». Даст бог, будет возводиться вечно. И вечно будет строиться наш мир. Тогда никакой Апокалипсис не страшен. Конечно, атеистический и рациональный XX век в пророчества не слишком-то верил. Но собор в Кельне потихонечку достраивал. Удивительно, но этот шедевр архитектуры и человеческого духа уцелел и во время Второй мировой войны. Ну а то, что все-таки разрушилось, жители Кельна тут же начали восстанавливать. Но до конца опять-таки не достроили – передали эстафету XXI веку. Вот и ныне вокруг собора постоянно то тут, то там появляются строительные леса: надо поддерживать стража.

Аббатство в Шервудском лесу

Как известно, наиболее трепетно к домам относятся в Англии: «Мой дом – моя крепость». Это вполне объяснимо: ведь если по Европе за сотни веков проносились ветры войн и революций, сметающие с лица земли не только людей, но и их жилища, английский уклад жизни сохранил здания чуть не с XII века – и церкви с монастырями, и городские здания, и родовые дома. И один из самых известных таких домов – дом семьи Байрон. Вот где можно наглядно отследить, сколь велико влияние жилища на его обитателей.

Про знаменитый Шервудский лес знают все – это место «охоты» легендарного благородного разбойника Робина Гуда. Но мало кто знает, что в этом же лесу стоит и родовой дом поэта Байрона. До 1533 года поместье, обширные угодья и лесное озеро принадлежали богатому Ньюстедскому аббатству, которое мирно владело ими более трех веков. Однако указ Генриха VIII лишил католические монастыри их богатств и насиженных мест. Предметы роскоши и деньги, естественно, отошли в казну, а вот здания и земли король пожаловал своим любимцам. Так в бывших владениях Ньюстедского монастыря по милости короля Генриха VIII поселился род Байронов.

Надо сказать, что Байроны (или Буруны, как их называли в Средние века) были не просто королевскими любимцами, но храбрыми и честными воинами, не раз проливавшими свою кровь во славу Англии. Но, лишь получив настоящее поместье, они обрели родовой дом и лоск истинных аристократов. Однако распознать коварный нрав полученного королевского дара семейству Байрон удалось не сразу. Правда, крестьяне окрестных деревень честно пытались рассказать новому хозяину сэру Джону Большая Борода о том, что выгнанные с насиженного места монахи наложили на монастырь особое заклятие. Ночью, покидая стены обители, они бросили в озеро старинный аналой с изображением серебряного орла и хартию вольности, выданную монастырю на владение землями Шервуда еще в XIII веке. При этом настоятель заявил: «Как священник я не могу насладиться несчастьем на новых владельцев. Но я обрекаю их на те же вечные странствия, на которые они обрекли моих монахов. И не будет покоя новым хозяевам, пока один из них не вступится за свободу и вольность гонимых и угнетенных!»

Так и вышло. И хотя сэр Джон Большая Борода переделал готическое строение во вполне спокойный и приемлемый для жилья замок, мрачный настрой Ньюстеда начал толкать до того невозмутимых и уравновешенных Байронов на крайности и авантюры. Никто из них не мог усидеть на месте, и никому из них не было покоя. Надо сказать, радости это им не приносило. Один из предков поэта в пьяном угаре носился по округе, не в силах остановиться, другой, отправившись в путешествие, убил приятеля, за что и был судим пэрами королевства, третий вообще прославился как самый злополучный адмирал английского флота. Вот вам и жажда странствий вкупе со стремлением к свободе, о которых говорилось в монашеском проклятии!

Впрочем, англичане уверены, что проклятие утеряло силу с рождением великого поэта. Ведь хотя дом и наложил на Джорджа Гордона Ноэля Байрона (1788–1824) печать мрачности и необузданного темперамента, поэт сумел переплавить их в свое романтическое творчество. И последнюю часть легендарного предсказания он выполнил – отдал жизнь в борьбе за свободу угнетенной Греции.

Тайна замка Альбрехтсбург

История изобилует совершенно невероятными поворотами. Казалось бы, начинается одно, а вдруг раз – и получается совсем другое. Именно таким неожиданным оказалось дело всей жизни немецкого алхимика Иоганна Фридриха Бёттгера (1672–1719).

К концу XVII века алхимия уже не являлась столь притягательной, как в прошлые времена. В фаворе оказались естественные науки и, конечно, медицина. Ею-то и решил заняться любознательный и способный юноша Иоганн Фридрих Бёттгер. В 1698 году, когда ему исполнилось 16 лет, он поступил в ученье к известному берлинскому аптекарю Цорну. Однако не прошло и пары лет, как Цорн обнаружил, что ученик пачками глотает книги, да вот беда, не по медицине и фармацевтике, а по алхимии и оккультным наукам.

Замок Альбрехтсбург

Почтенный аптекарь пришел в священный ужас: алхимия уже считалась нечестивым деянием. «Она приведет тебя к краху!» – завопил он. Но юный ученик только плечами пожал: «А что я получу, если всю жизнь буду растирать порошки да варить микстуры? Грошовое жалование – разве это не крах всем мечтам?! А если я займусь алхимией, то сумею открыть философский камень, при помощи которого стану делать золото, и разбогатею вмиг!» Словом, закусив удила, ученик захотел от жизни все и сразу. Другой бы на месте Цорна выдал его церковным властям, но почтенный аптекарь имел мягкий нрав да и привязался к Иоганну, ведь тот был умным и талантливым учеником. Так что Цорн решил: молодо – зелено, юноша перебесится да и займется растиранием порошков, а пока пусть поэкспериментирует в своих алхимических опытах.

Увы, скоро стало ясно, что быстро научиться варить золото Иоганн не в силах. Но видно, тщеславие родилось вперед него. И однажды, когда Цорн в очередной раз упрекнул его в нерадивости, Бёттгер решил поразить учителя: «На самом деле я уже давно знаю секрет, как изготовить золото из свинца. Мне открыл его один странствующий ученый грек. Он путешествовал по нашим местам и неосторожно свалился в реку. А я его вытащил. За это он открыл мне тайну: есть особая жидкость, которую нужно добавлять во время переплавки, и свинец обратится в золото!»

Аптекарь удивленно поскреб подбородок: «И что же ты никак не получишь золотишко?» – «Мне пока не удастся составить эту самую жидкость по греческому рецепту, – буркнул Иоганн. – Но как только это случится, я стану богачом!»

Вышло иначе: то ли кто-то подслушал их разговор, то ли сам Цорн по хмельному делу проговорился, но слухи об ученике аптекаря, который может из свинца делать золото, облетели Берлин и дошли до самого короля Пруссии Фридриха I. Хорошо, Иоганн проведал об этом и успел сбежать. Так что, когда в аптеку явились солдаты, чтобы по приказу короля забрать юного алхимика, того и след простыл.

Бёттгер решил переждать в Саксонии. Однако и саксонский курфюрст Фридрих-Август I (бывший в то время еще и польским королем под именем Август II) нуждался в деньгах ничуть не меньше Фридриха Прусского. Так что в Дрездене незадачливого алхимика схватили и поселили в доме, в подвале которого была оборудована тайная лаборатория. Курфюрст тоже жаждал золота.

Иоганн начал работать. Смешивал разные компоненты, сливал и разливал, варил и остужал. Тысячу раз он проклинал свое хвастовство: ну зачем хвастал перед Цорном тем, чего не умеет?! В конце концов доведенный до отчаяния Бёттгер снова решил бежать. Но его догнали, схватили и вернули. Вот только поселили уже не в благоустроенном доме, а в подвале старинного разваливающегося замка Альбрехтсбург, что рядом с городком Мейсеном. По подвалам гуляли сквозняки, а по коридорам – стражи курфюрста. Иоганн жил взаперти при подземной лаборатории, и выбор у него был невелик: либо создать золото, либо сгинуть в темном подвале...

И снова незадачливый алхимик плавил в печах наугад металлы, смешивал различные комбинации. Все напрасно! Стало только хуже, поскольку глиняные тигли, в которых кипели металлы, постоянно лопались, не выдерживая жара печи. Чтобы продолжать работу, приходилось самому делать тигли. Для этого Бёттгер запрашивал разные сорта глины. И вот однажды ему привезли красную глину из окрестностей городка Окрилля, находившегося неподалеку от Мейсена. Иоганн пришел в восторг.

«Тигель из этой глины выдерживает фантастическую температуру – больше 1800 градусов!» – рассказывал он наблюдавшему за его работой графу Эренфриду фон Чирнхаусу. Граф уже давно вел беседы с узником-алхимиком. Сначала не по своей воле – курфюрст Саксонии приказал ему надзирать за работой Бёттгера. Но Чирнхаус и сам был образованным и любопытным человеком, тяготел к естественным наукам, проводил в Саксонии геологические изыскания. Его мечтой было разгадать тайну китайского фарфора. Нигде в мире, кроме далекой восточной страны, не умели делать посуду из этого белого чуда.

Фарфор – твердый, тонкий и прозрачный – ценился на вес золота. Да что золото – однажды курфюрсту пришлось обменять пару фарфоровых чашек на целый взвод отлично обученных солдат. И вот в красноглиняных сосудах, сделанных Бёттгером, опытный Чирнхаус почувствовал зачатки открытия.

Быстро поднявшись, он схватил красный тигель и взвесил на руке – легкий, твердый. Постучал ногтем – звонкий! «Да это открытие дороже золота! – радостно воскликнул он. – Еще немного – и мы поймем, из чего китайцы делают фарфор!»

Открытие ошеломило курфюрста. Он станет богаче всех в Европе, продавая фарфор! Следовало заставить узника замка Альбрехтсбург работать быстрее и усерднее. И потому Бёттгера перевели из подвального помещения в жилые покои.

Ему даже разрешили выходить в город. Однако до реального создания фарфора было еще далеко, ведь глина была красной, ей не хватало плавкости: при обжиге она превращалась не в стекловидную массу, а скорее в сухой камень. Глину следовало с чем-то смешать – но с чем?..

Бёттгер впал в отчаяние. К тому же его ждал новый удар – в 1708 году умер его покровитель, граф Чирнхаус, заступавшийся за него перед курфюрстом. И уже никем не сдержива-

емый правитель начал яростно требовать окончания работ. Бёттгер потерял сон, но ничего не мог придумать. Разгадку подсказала сама жизнь. Однажды Иоганн отправился в парикмахерскую, и там мастер посыпал его парик белой пудрой. Бёттгер потрогал пудру – она лепилась в шарики, как глина. «Что это?» – спросил он.

Парикмахер, задрожав, признался: он сэкономил на клиенте – посыпал его волосы не дорогой французской пудрой, а так называемой шноррской землей. Оказалось, что еще лет десять назад купец Шнорр по дороге из Дрездена в местечко Ауэ заметил, что вся округа засыпана белой пылью, похожей на муку. Оказалось, что ветер разносит по округе мельчайшие частички белой глины. Купец быстро смекнул, что может разбогатеть, если наладит продажу этой «муки» вместо дорогушей французской пудры.

Бёттгер не стал дальше слушать парикмахера, кинувшись на поиски белой глины. Она оказалась пригодной для работы. Для плавкости он добавил в нее кварц и алебастр. К концу 1708 года опыты были закончены, и в марте 1709 года 27-летний Иоганн Фридрих Бёттгер предстал перед научной комиссией, которой курфюрст Саксонии поручил оценить работу придворного алхимика, а вернее, первого в Европе создателя фарфора. Бёттгер представил шесть чашек – белых, легчайших, почти прозрачных. Они были прочны, устойчивы к кипятку и издавали приятный звон, если по ним постучать деревянной палочкой. К тому же поверхность их была твердой и гладкой – ее не царапал даже острый нож.

Ученые мужи составили заключение, в котором чувствовалось явное восхищение: «Иоганн Бёттгер показал нам сделанный им фарфор: полупрозрачный, молочно-белый, подобный цветку лотоса...» Словом, сей фарфор ничем не уступал китайскому.

В Мейсене решено было наладить производство, основная лаборатория по-прежнему размещалась в замке Альбрехтсбург. В 1710 году фарфоровую продукцию показали на Лейпцигской весенней ярмарке, где собирались покупатели со всей Европы. Там мейсенский фарфор произвел фурор. Конечно, он был необычайно дорог, и приобрести фарфоровые посуду, вазы и фигурки могли только самые богатые люди. Обладание же целым сервизом могли позволить себе только монархи. Словом, в казну Фридриха-Августа потекли реки золота. Сам же создатель этого «золота» просто падал с ног: устанавливал новые печи, нанимал и обучал рабочих.

Производство было объявлено строжайшей тайной. Все поступающие работать на фарфоровую мануфактуру давали клятву хранить ее секреты. За разглашение полагалась смертная казнь. Были приняты и другие меры: те, кто готовил фарфоровую массу, не знали, как работают печи, те, кто занимался обжигом, не имели представления о сырье. Ну а три главных составляющих фарфоровой тайны (белая глина – каолин, добавки для плавкости и температура обжига) знали только три человека: сам Бёттгер и два его заместителя.

Отец европейского фарфора наконец-то получил что хотел – богатство и признание. Курфюрст щедро платил ему, так что Бёттгер жил в роскоши и достатке, но... За ним всегда наблюдали, а если он выезжал в Дрезден, слежка усиливалась. Курфюрст не доверял никому. Хуже того, ему везде виделись шпионы и доносчики. Он даже предположил, что Бёттгер хочет продать тайну изготовления фарфора своему бывшему властителю – королю Пруссии. Это была явная нелепость, но беднягу Бёттгера на несколько недель бросили в тюрьму. Однако в его отсутствие производство на Мейсенской мануфактуре застопорилось, так что Иоганна пришлось выпустить.

Он руководил мануфактурой до самой смерти, последовавшей 13 марта 1719 года. Изобретателю-самоучке было всего 37 лет. Что ж, как известно, в этом возрасте землю покидают гении.

Уже спустя шесть лет, в 1725 году, на мейсенский фарфор начали наносить его «личное клеймо» – синие скрещенные мечи. Под этой маркой он и известен в наше время. И между прочим, это была единственная в Европе мануфактура фарфора, до тех пор пока в 1756 году

во Франции деятельная маркиза Помпадур не создала Севрскую Королевскую фарфоровую мануфактуру. В замке Альбрехтсбург теперь располагается музей фарфора.

Кремлевские тайны Конана-варвара

Истории таинственных сокровищ всегда будоражат воображение. Но эта загадка по-своему уникальна, ибо имеет развязку как в реальном, так и в виртуальном мире.

Все началось осенью 1718 года. Место действия – Москва, Преображенский государев приказ. Главный герой – Конан (по-иному Конон) Осипов, пономарь церкви Иоанна Предтечи, что на Пресне. Несколько раз сей тощий пономарь пытался прорваться к главе приказа, объясняя свое дело большой важностью. Но видно, и в те времена чиновничий люд не стремился к разговорам с просителями. Стража просто выбрасывала настырного Осипова вон, а однажды даже побила. Вот тогда-то пономарь и не стерпел – гаркнул прилюдно: «Государево слово и дело!» Такой клич означал уже не личную нужду, а дело государственной важности. И потому стражники не посмели вновь выгнать Конана, а пропустили к царю – пусть разбирается. В конце концов, если настырный пономарь соврал и дело его не важно для государя, могут и на дыбу вздернуть, язык вырвать или глаза выколоть.

Спасская башня Московского Кремля

Однако у Осипова нашлись веские доказательства для употребления тайного клича. Причем такие, что простого пономаря тут же отвезли в дом князей Ромодановских, где в то время гостил самый влиятельный представитель этого старинного рода – личный друг самого императора Петра I, глава Сысного приказа И.Ф. Ромодановский, приехавший из Петербурга.

Хитрый пономарь речь повел исподволь. Объяснил, что по долгу церковной службы частенько сталкивается с историями, всплывающими на исповеди того или иного высокопоставленного прихожанина. Конечно, пономарь – не священник, но и у него есть уши. Вот и

услышал он как-то сбивчивое повествование бывшего дьяка приказа Большой казны Василия Макарова. Тот рассказывал о каком-то старинном тайнике в подземельях Московского Кремля. Деньги там, видать, немалые. Ну а нынче все понимают, что молодое государство Петрово остро нуждается в средствах, вот Конан и решил рассказать, что узнал.

Ромодановский только хмыкнул. Кажись, дело скучное – обычный донос или, того хуже, выдумка. Но следующее имя, произнесенное Осиповым, заставило князя прислушаться. «Речь идет о мятежной царевне Софье!» – выдохнул пономарь. Князь напрягся. Опальная старшая сестрица императора Петра I, правившая 7 лет – с 1682 по 1689 год, – до сих пор считалась «персоной вражьей», хотя ее уж давно и на свете не было.

«Это случилось в первый год ее правления, – начал объяснять Осипов. – Дьяк Василий Макаров в то время занимал в Большой казне одно из высших мест. И вызвала его царевна Софья: повелела пойти с проверкой в тайное подземелье. Шел он через весь Кремль секретным подземным ходом от Тайницкой башни до Собакиной, она же Арсенальная Угловая. Ход был древний, осыпавшийся. Софья лично проинструктировала Макарова, где, как и куда сворачивать. Доверяла, значит. И дьяк доверие оправдал. Перекрестился три раза у входа, положился на милость Божью и шагнул в темный, осыпающийся проход. Освещая путь потрескивающим факелом, пробрался под Благовещенским собором, потом под Грановитой палатой. А дальше увидел справа две черных толстенных железных двери, запертые на тяжелые висячие замки, а поперек дверей – наверхены цепи железные. Открывать замки дьяку не было приказано, а велено было поступить по-другому: посветить свечой в оконца, вырубленные около каждой двери. Оконца те забраны были железными решетками, но коли всунуть через решетки свечу, станет видно, что внутри. Макаров так и сделал, да и обомлел. За каждой дверью оказалось по каменной палате, и обе заставлены сундуками аж под самые своды. Вокруг – вековая пыль, так что ясно: к ним давно уже не притрагивались. На сундуках – замки и смутно белеющие огромные восковые печати – все нетронутые. Словом, царский тайник в целостности и сохранности».

«Ну а что могло бы там храниться? – уставился Конан на князя Ромодановского победным взглядом. – Ясно, богатства несметные, веками накопленные. Вот бы добраться до тайника да вынуть сокровища!»

Ромодановский снова хмыкнул: «А тебе, конечно, десятину, которая наводчику полагается! А вдруг там не золото с бриллиантами, а одежонка ненужная или книги старые, ветхие? Вроде потерянной библиотеки царя Ивана Грозного, коя называлась Либерией?» Конан только плечами пожал: «Что ж, может, я стану спасителем сей Либерии?»

В октябре 1718 года начались поиски. Ромодановский дал Осипову в помощь подьячего Петра Чичерина и повелел кремлевским дьякам оказать нужную помощь. По тем временам – приказ серьезный. И поиски начались споро. Да так же быстро и закончились. Вот как описывает это историк того времени:

«И оный подьячий тот вход осмотрел и донес им, дьякам, что такой выход есть, токмо засыпан землею. И дали ему капитана и 19 солдат, и оный тайник обрыли и две лестницы обчистили, но стала земля валиться сверху. И оный капитан... послал записку (без бумаги наверх и в те времена было никак не обойтись! – *Авт.*), чтоб подвести под той землею доски, чтобы тою землей людей не засыпало. И дьяки людей не дали и далее идти не велели, и по сию пору все не исследовано».

Как же так?! А приказ Ромодановского, неужто его ослушались? Увы... Просто глава Сыскаго приказа к тому времени уехал в Петербург. Там кипит жизнь и совершаются великие государственные дела. Ну а москвичи – народ спокойный да медленный. Тут своя политика: меньше знаешь – крепче спишь. А скорее – дольше живешь. Наверное, это и втолковали наконец Конану Осипову, который еще пару раз порывался искать сокровища. Ну а чтобы больше не пытался – вынудили его уехать из Москвы. Так и сгинул любопытный Конан неведь где.

Век никто не интересовался тайными сокровищами кремлевских подвалов. Но вот в роковой 1812 год в Москву пожаловали незванные французы. Наполеон, склонный к разным загадочным историям, прознал про давний рассказ о «макарьевских сундуках» и начал их поиски. Да только раз уж тайник своим не дался, то куда до него французам! У них быстро нашлось более важное дело – отступать обратно. Вновь про рассказ Конана Осипова вспомнили только летом 1894 года, когда исследованиями подземелий Кремля занялся сиятельный любитель старины князь Н.С. Щербатов. Но и ему не хватило денег на раскопки. Хотя князь и сумел организовать расчистку нескольких тайных ходов, но к «макарьевским сундукам» не пробился.

Больше повезло российскому историку, археологу И.Я. Стеллецкому. Он изучал подземелья Кремля еще с 1908 года, свято поверив в существование некогда потерянной библиотеки Ивана Грозного. Впрочем, и от других находок он бы не отказался. Стеллецкий начал быстрые и успешные раскопки в 1914 году, но их остановила Первая мировая война. Словно сама История с большой буквы не позволяла раскрывать тайны Кремля. Но неугомонный Стеллецкий от мечты не отказался и после Октябрьской революции начал забрасывать письмами Моссовет, ЦИК, Совнарком. Бесстрашно обратился, наконец, к самому Сталину. И отец народов дал добро. 1 декабря 1933 года Стеллецкий с бригадой рабочих из Управления коменданта Московского Кремля начал раскопки под Угловой Арсенальной (Собакиной) башней.

В первые же дни случились радостные открытия: оказалось, свод тайного хода не поврежден, он просто заложен белокаменными глыбами на крепчайшем растворе. Когда замуровку проломили на полтора метра, открылся более узкий проход, в конце его лестница, потом сводчатые арки, снова ходы. В одном из таких ответвлений ученый и признал тот самый тайный ход, ведущий к «макарьевским сундукам». Тут, как и полагается, состоялось заседание специальной комиссии, куда входили представители комендатуры Кремля, директор Оружейной палаты В. Клейн и виднейшие архитекторы А. Щусев и Н. Виноградов. Комиссия дала добро на дальнейшие работы, но... в Кремль Стеллецкого больше непустили. Ему просто не выдали пропуск, ничего не объясняя. Подземелья же вообще замуровали. Чистая мистика!

Впрочем, были и реальные объяснения. Одни ученые считали, что всему повредило убийство С.М. Кирова – все хоть в чем-то сомнительные дела были прикрыты. Другие напоминали, что работы не совсем свернули. Просто всем видимые раскопки оказались прекращены. Но возникла небольшая группа «поисковых специалистов», которые работали тайно, привлекаемая в качестве рабочей силы солдат-срочников. И потому немудрено, что часть современных исследователей считает, что советские спецы все же пробились к сундукам, о которых рассказывал Конан Осипов. Что же случилось с сокровищами? Как пишет известный историк-кладоискатель: «Они были использованы по прямому назначению. Иными словами, они теперь украшают чей-то скромный, но почти царский быт».

Поразительно иное: исчезнув с реального горизонта, «сокровища Конана» неожиданно появились в мире виртуальном. Виной всему оказался молодой американский писатель Роберт Ирвин Говард. С 1932 года он начал сочинять истории о легендарном Конане-варваре. Впрочем, вначале этот персонаж не произвел фурора, зато к концу XX века каждый землянин уже знал о приключениях легендарного Конана в его волшебном-виртуальном, кинематографическом и компьютерном, мире. И знаете, что самое поразительное? Вначале Говард называл своего героя «спасатель», что звучало как Конан-осиа (от древнееврейского – «спасать»). Ну прямо – Конан Осипов! Вот и не верь после этого во взаимопроникновение реального и вымышленного миров... Особенно если вспомнить, что в одной из историй бесстрашный Конан спасает прекрасную принцессу, заточенную свирепым братом в Красную башню (не напоминает вражду Софы и Петра?). И между прочим, принцесса посылает своего мужественного спасителя в подземелье, где в тайных сундуках хранятся ее сокровища. В начале XXI века рассказ перевели в компьютерную игру – и вот до сих пор народ увлеченно бродит по подземельям в поисках

кладов. Так, может, уже не важно, есть ли тайник в реальности – в виртуальном мире каждый найдет свои сокровища...

Всадник над городом

Эта скульптура – символ города на Неве. Петербуржцы даже дали памятнику имя собственное – одновременно романтическое и мистически-устрашающее – Медный всадник. Он является и хранителем города и его проклятьем. Но ведь и сам Петр Великий считается и реформатором Руси и одним из ее могильщиков. Известно, что Пушкин считал Медного всадника болваном, великаном, чья пята попирает беззащитный город, писатели и поэты Серебряного века видели в Медном всаднике мистическое олицетворение ужаса Северной столицы.

Однако простые горожане искренне верили, что бронзовый царь бережет свой великий город. Историки рассказывают, что, когда в 1812 году Петербургу грозила опасность захвата наполеоновскими войсками, император Александр I решил уберечь главные святыни города, и в первую очередь легендарный памятник Петру. Уже был отдан приказ вывезти скульптуру в Вологодскую губернию, но неожиданно князь Голицын пересказал Александру сон, который неотвязно преследовал его друга, майора Бутурлина. Тому снится, что стоит он на Сенатской площади и слышит голос ожившего Петра Великого: «Покуда я на месте, моему городу нечего опасаться!»

Медный всадник

Рассказ об этом сне так поразил Александра, что Медного всадника решено было оставить в городе. И Наполеон туда даже не пошел!

Однако у противников памятника есть и другая легенда. По преданию, именно бронзовый Петр виноват в наводнениях, которые регулярно обрушиваются на город. Ведь жестокосердный правитель считает, что потомки не достойны его реформ. Одно из таких наводнений, 7 ноября 1824 года, вдохновило Пушкина написание его бессмертной поэмы «Медный всадник», где Петр, а вместе с ним и всадник изображены весьма нелюбимыми. Что ж, тогда весь центр Петербурга оказался поглощен яростным водоворотом бушующей стихии. Люди гибнут. А холодный бронзовый истукан бесстрастно наблюдал за страданиями своего народа...

Вот уже много веков люди переносят на Медного всадника свое отношение к власти, ведь Петербург вплоть до 1918 года был столицей Российской империи. А власть незаконна и безжалостна к простым людям, не обладающим богатством и нужными связями.

Недаром Достоевский горестно писал: «Мне сто раз среди этого тумана задавалась странная навязчивая греза: «А что как разлетится этот туман и уйдет кверху, не уйдет ли вместе с ним и весь этот гнилой, склизлый город, поднимется с туманом и исчезнет, как дым, и останется прежнее финское болото, а посреди его, пожалуй, для красоты, бронзовый всадник на жарко дышащем, загнанном коне?»»

Что ж, отношение Достоевского понятно. Однако показательно: даже мечтая об исчезновении «гнилого города», чуткий к истинной красоте писатель считает, что Медный всадник должен остаться на века. Ибо он не просто воплощение царя, который «Россию поднял на дыбы», но и величайшее произведение искусства. И у него есть собственные тайны создания...

Скульптор Этьен Морис Фальконе (1716–1791) приехал в Россию в 1766 году по рекомендации самого философа Дидро. Тот считал Фальконе лучшим скульптором Франции и полагал: «Месье Фальконе больше всех подойдет для вашего грандиозного замысла – поставить достойнейший памятник великому государю Петру». Действительно, к тому времени скульптор снискал европейскую славу. Уже одна из первых его работ – «Милон Кротонский» на античный сюжет – произвела в Париже фурор. Сама маркиза Помпадур, всесильная фаворитка короля Людовика XV, обратила внимание на талант Фальконе. Впоследствии по ее заказу он создал немало изящных скульптур – «Грозящего Амура», «Купальщицу», «Пигмалиона и Галатею», множество моделей статуэток для знаменитой севрской фарфоровой мануфактуры, которую возглавлял почти 10 лет. И всегда был успех! Но вот, представив на суд императрице Екатерине II модель памятника Петру I, Фальконе по нахмуренным бровям правительницы понял, что не достиг взаимопонимания. Дело в том, что скульптор видел будущий памятник как символ самодержца: Петр I должен стоять на высокой колонне посреди большой площади, чтобы все проходящие могли перед ним снимать шляпы. Но Екатерина хотела от памятника иного. «Русскому императору не нужно, чтобы перед ним снимали шляпу, как перед простым бюргером! – вспыхнула Екатерина. – Петр был реформатором, полководцем, любимцем Фортуны. Он должен представлять перед подданными на коне, как римский император!»

Когда скульптор наконец выбрался из лабиринтов Зимнего дворца, в голове у него шумело. Эта властительница знает, чего хочет! Теперь и сам скульптор понимал, что был дураком, замыслив почтенного правителя, перед которым снимают шляпы подданные... Может, в каком-нибудь немецком городе зеваки и пришли бы в восторг от такой идеи, но не в бурном, динамичном, непредсказуемом Петербурге. Здесь все огромное, шумное, взвихренное, как метель, и непонятно грандиозное, как стихии природы. Конечно, Екатерина права: Петр был неукротимым и дерзким реформатором, обладал железной волей, построил не только этот город, но и возродил всю свою страну. Но как изобразить такого?..

Фальконе удивленно оглянулся: куда он попал, выйдя из дворца? В тусклом свете подъездного фонаря блестит мокрый гранит Дворцовой набережной. Где-то впереди глухо ревет и пугающе пенится вздымающаяся Нева. Говорят, что в бурную полночь свирепый ветер гонит волны залива обратно и река течет вспять. Мистика какая-то! Сноп холодных брызг окатил скульптора. Порыв ветра чуть не снес шляпу. В круге прорвавшейся сквозь туман луны Фальконе вдруг увидел громадного темного всадника, осадившего огромного коня прямо перед гранитным парапетом. Миг – и призрачный незнакомец прыгнул на другой берег реки. Фальконе ахнул: Нева не крохотная речушка, ее нельзя перепрыгнуть даже на самой громадной лошади!.. Неужели он увидел одно из тех легендарных привидений, о которых, крестясь, шепчутся петербуржцы?..

Сердце Фальконе сжалось от ледящего ужаса, и, не разбирая дороги, он кинулся назад ко дворцу. Как добежал, как нашел свою карету, как доехал до дому – не помнил. Очнулся уже в собственной гостиной, где его помощница и ученица Мари Калло хлопотливо начала отпаивать его чаем. Плеснула в чашку привезенный из Франции дорогой коньяк, заставила

выпить залпом. И только когда огненная жидкость обожгла горло, Фальконе пришел в себя и сбивчиво рассказал о таинственном всаднике.

– А ведь это знаковая встреча! – ахнула Калло. – Вы увидели призрак самого Петра. Да-да! Слуги часто рассказывают, что Петербург – призрачное место. Говорят, что именно на Дворцовой набережной часто появляется императорский призрак. Выезжает на горячем коне и, словно гордясь построенным градом, кричит: «Все – Божье и мое!» И перепрыгивает реку. Потом кричит с другого берега: «Все – Божье и мое!» И снова возвращается ко дворцу. Говорят, что так бывало и при жизни царя. Но вот однажды, как гласит предание, он возгордился и крикнул, забыв о Боге: «Все мое!» И тут же, сорвавшись, упал в реку. Простыл в ледяной воде да и помер.

– Путают слуги что-то. – Фальконе поднялся из-за стола. – Петр действительно умер от простуды, но прыгнул в ледяную воду, спасая своих матросов. Великий и милосердный был царь...

Ночью Фальконе проснулся от того, что огромная белая луна заглядывала в окно. Он забыл задернуть и шторы и полог кровати. В воображении снова ожила призрачная картина: могучий всадник поднимает на дыбы громадного коня. Вот так когда-то Петр Великий поднял на дыбы всю старую Русь. Вот таким его и надо изваять – в едином порыве, едином движении. И пусть царь не держит никакого жезла – напротив, пусть огромная и мощная рука Петра-защитника прикрывает город от всех напастей.

А постамент?.. Фальконе словно прозрел: никаких колонн! Постаментом должен быть крупнейший камень, ведь само имя Петр в переводе с греческого означает каменную глыбу. И камень этот должен быть похож то ли на вершину скалы, то ли на гребень могучих невских волн.

Все нашлось, и даже камень – не изысканный мрамор, а мощный, грубый, полный природной силы гранит. Его искали по всей стране. Нашли неожиданно близко – в деревне Конная Лахта под Петербургом. Осенью 1768 года крестьянин Семен Вишняков сообщил, что в окрестностях деревни издревле лежит гранитная глыба, на которую, по преданию, во времена Северной войны поднимался сам Петр Великий, дабы обозреть местность. Тогда неожиданно началась гроза, в каменную гряду ударила молния. Однако государь не пострадал и даже зашелся хриплым смехом: «Меня Бог бережет!» А вот на граните осталась черная отметина, с тех пор глыбу и величают «Гром-камень».

Тащили глыбу весом 1600 тонн, длиной 44 фута, шириной – 22, а высотой – 27 футов с чисто русской гениальной смекалкой: огромную деревянную платформу взгромоздили по желобам на железные рельсы, а чтобы облегчить скольжение, подкладывали под тяжеленную платформу бронзовые шары. Катили, конечно, трудно и долго: 400 человек больше полугода. Сэкономили и время: пока катили по дороге, и обтесывали. На Финском заливе погрузили на специальную баржу. Когда же, наконец, доставили в Петербург, Екатерина приказала выбить памятную медаль со словами «Дерзновению подобно» и наградить участников.

Настало время переводить модель в натуральную величину. Но тут выяснилось, что портрет Петра не нравится Екатерине. Выручила Мари Калло – изваяла дерзновенный лик владыки, в глазах которого сверкала молния.

Государыня пришла в восторг. Памятника столь грандиозного масштаба не было во всем мире. Мастер виртуозно преодолел все технические сложности: его конь, поднявшийся на дыбы, имел всего две точки опоры, две другие опоры скульптор провел через хвост коня и змею, которую конь топчет. Такое решение было революционным.

Через четыре года, 7 августа 1782-го, в Петербурге при огромном скоплении народа на Сенатской площади состоялось грандиозное действо. Екатерина II появилась на балконе Сената в парадном платье. Тысячи горожан встретили государыню ликующими возгласами. Все деятели культуры толпились в первых рядах. И только создателя монумента, скульптора

Фальконе, пригласить на открытие из Франции не соизволили. О нем вообще предпочитали не вспоминать. Да и к чему, если на памятнике красовалась надпись: «Петру Первому – Екатерина Вторая»? Императрица желала быть единственной хозяйкой праздника. Ведь это она, а не кто другой, воздала почести великому владыке. Он был первым, а она стала второй. Значит, тоже – великой...

Когда новость дошла до Парижа, Фальконе занемог. Вскоре его разбил паралич, и больше восьми лет он пролежал без движения. И только верная ученица Мари умела понимать его. 24 января 1791 года он умер на ее руках.

А бронзовый всадник, которого, с легкой руки Пушкина, стали называть Медным, стоит, возвышаясь над своим великим городом. Одни считают его проклятием, виноватым в бедах Петербурга. Другие, однако, верят, что он – защитник города, простирающий над ним свою охранительную длань. Но все сходятся в одном: пока стоит над Невой Медный всадник, Петербург будет жить. Недаром же монумент не вывозили из города даже во время Великой Отечественной войны. Вместе с жителями Ленинграда он пережил блокаду и страшные смертельные зимы. И неудивительно, что, когда после блокады всадника освободили из-под укрывавших его мешков с песком и досок, на камне оказалась нарисованная мелом медаль «За оборону Ленинграда». Великий Петр защищал свой великий город.

Дом семи чертей

Прага – город старинный и мистический. И странных мест там множество. Ну а самый невероятный и таинственный дом носит совершенно мистическое название – Дом семи чертей или Дом у семи чертей. Это уж кому как хочется.

Говорят, в своем доме и стены помогают. Так что именно к ним и стоит относиться внимательнее. Вот почему преуспевающий адвокат Вацлав Немцов, купивший в 1820-х годах двухэтажный дом на Мальтезской площади в Праге, с особым вниманием выслушал последний пункт в купчей бумаге:

«Никогда и ни при каких обстоятельствах ничего не прислонять к стенам: ни мебель, ни напольные вещи и прочее, не вешать ни ковров, ни часов, ни картин и так далее, не вбивая ни одного гвоздя».

Странный уговор? Но при соблюдении его владелец пан Страков продавал дом чуть не вдвое дешевле. Семейство Страковых, старинный дворянский род, владело этим домом уже два столетия. Но вот обеднели, и нынешний владелец решил продать дом, хоть и со странным условием. Впрочем, практичный покупатель, адвокат Немцов, купил не удивляясь. Чего не сделаешь, коли цену снижают вдвое! А если у пана Стракова такие странные условия, то ведь запрос не бьет в нос. А вот цена-то падает – и замечательно. Да при такой стоимости можно пообещать жить вообще не прислоняясь ни к одной стене. Да и кому надо отираться о стены?!

В 1859 году после смерти Вацлава Немцова дом перешел к его 40-летней дочери – незамужней пани Алоизе. Чтобы на что-то жить, она начала сдавать комнаты. Но от постояльцев требовала соблюдения все того же неукоснительного правила: к стенам ничего не придвигать и ничего на них не вешать.

Жильцы протестовали против такой странности, но уйти не могли – хитрая дочь адвоката брала плату вперед. А потом постояльцы заметили странное: всех, кто хоть пару месяцев проживал в доме, охватывала неодолимая страсть к рисованию. Надо сказать, что и адвокат Немцов в свое время баловался живописью, и пани Алоиза марала бумагу акварелью.

А однажды в доме поселился профессиональный художник. Так ему вообще житья не стало – другие постояльцы то и дело несли ему свои работы и просили совета. В конце концов художник сорвался и высказал свое мнение всем разом: «Вы – бездари!» И тогда соседи устроили ему бойкот.

«Это не дом, а логово нечистой силы! Тут живут упыри, вытягивающие из меня все соки!» – возопил живописец и съехал на другую квартиру. Но соседям отомстить все же успел: за ночь до отъезда нарисовал на каждой из шести колонн здания по черту, а под дверным гербом написал: «Дом у семи чертей», подразумевая, что седьмой черт – сама сумасшедшая хозяйка.

Бедная пани Немцова стала посмешищем всей Праги и потому не смогла продать дом, а, умирая, завещала его больнице ордена Серых сестер, но на все тех же странных условиях. Сестры не нарушили ее завета, однако дом ветшал, и со временем им пришлось начать ремонт.

Выяснилось потрясающее: у дома оказались двойные стены, а за ними – прекрасные старинные фрески работы известного швейцарского художника рубежа XVII–XVIII веков Яна Рудольфа Бисе, который некогда прятался в пражском доме дворянина Яна Петера Стракова от ретивой инквизиции и в награду за помощь расписал стены дома своего спасителя.

Дальновидный пан Страков, опасаясь за собственное благополучие, все же спрятал фрески, но вот отнять у стен дома тяги к живописи уже не смог: вот всех, кто жил в «доме художника», и охватывала страсть к рисованию. Но может, в этом и нет ничего плохого?..

Роковая ночь

17 декабря 1837 года в Санкт-Петербурге было почти праздничным днем. В столице гастролировала всемирно известная балетная прима – Мария Тальони. Вечером в Большом петербургском театре она танцевала свою звездную партию – Баядерку в балете «Бог и баядера». На спектакле присутствовал сам император Николай I с супругой и наследником-цесаревичем Александром.

Балет был уже в разгаре, когда внезапно в царскую ложу вошел дежурный флигель-адъютант и, не спросив по этикету прощения у императрицы, зашептал что-то прямо на ухо самому Николаю I. Тот изменился в лице и тут же вышел из ложи. Императрица обернулась к личной охране: «Что стряслось?» – «Кажется, что-то горит в Зимнем, ваше величество!» – обтекаемо прозвучал ответ.

На самом деле дворец пылал. Это было видно уже на пути, пока сани императора скользили к Зимнему. Адъютант торопливо проговорил: «В Зимнем загорелась сажа в печной трубе, которая проходит между залами Петра Великого и Фельдмаршальской. А трубу, как на грех, заложили отдушником – ну чтоб не дуло, зима ведь! Вот огонь и пополз, но даст бог, пронесет...»

Увы, зрелище было ужасным! Дворец, дрожа, трещал по швам. Пламя уже ползло на крышу. Выбежавшие из дворца люди в страхе кричали, молились, гвардейцы Преображенского и Павловского полков тащили ведра с водой. Побелевший Николай, спрыгнув с саней, перекрестился и вдруг закричал грубым мужицким басом: «Все по местам! Гвардии – выводить людей! Главное – не дворец спасти, главное – люди!»

Не глядя на суетящихся гвардейцев, сам Николай ринулся к боковому входу – на «детскую половину». Отец одержал верх над государем. Николай ворвался в коридор со спальнями младших детей. От испуга он командовал по-армейски: «Все подъем! Марш – в Аничков дворец!» Именно от такого армейского лексикона няньки и гувернеры пришли в себя и, замотав, августейших воспитанников в одеяла, потащили их вон из горящего Зимнего.

Император снова выбежал на Дворцовую площадь и опять заорал: «Выносить что можно! Складывать прямо сюда!» Он ткнул рукой в Александрийский столп, возвышающийся посреди площади, а сам снова отважно ринулся во дворец. Солдаты, обмотавшись мокрыми тряпками, уже мужественно выносили из дворца вещи. И тут на площади появились сани государыни. Выскочив на снег, императрица Александра Федоровна закричала не хуже мужа: «Там моя больная фрейлина Голенищева-Кутузова! Она не ходячая! Пока ее не увижу, не уйду!»

Адъютант с офицерами кинулись к лазаретному крылу и вынесли из дворца больную. И, то ли бросая вызов упрямым спасателям, то ли салютуя их мужеству, над крышей взорвался очередной сноп искр. Площадь перед дворцом наполнялась дворцовым имуществом, которое выносили мужественные спасатели. У Александрийского столпа уже лежали военные знамена, регалии, императорский трон из Георгиевского зала, образа, утварь и обстановка ризницы из дворцовой церкви. Потом площадь заполнилась столами и стульями, картинами и сервизами, люстрами и зеркалами, мраморными статуями и убранством дворцовых покоев.

К полночи спасательные операции стали уже смертельно опасны – Зимний дворец представлял собой сплошное пылающее море огня. «Всем солдатам и офицерам – вон! – командовал Николай. – Больше не рисковать!» Но тут к нему пробрались какие-то незнакомые горожане – зрелые бородатые мужики, заматанные в тряпье, облитое водой, будто купались в проруби. «Разрешите, государь! Мы – пожарные умельцы», – прогудел главный. Николай махнул рукой: «Только берегитесь!» Мужики ринулись в огонь.

А император уже кричал солдатам: «Всем строить стену!» Потом повернулся к адъютанту и объяснил: «Я велел привезти камень и кирпич. Возведем стену, чтобы огонь не перекинулся

на Эрмитаж. Там картины, скульптуры. Дворец можно отстроить заново, а Рафаэля не перепишешь!»

Дворец горел 30 часов – то есть с вечера 17-го до раннего утра 19 декабря. В тушении пожара приняли участие все пожарные команды города и 20 тысяч солдат и офицеров. Погибло 13 человек. Их семьям были назначены достойные пенсии.

На момент пожара в Зимнем находилось почти 5 тысяч человек – придворные, гости, слуги, рабочие, охрана, караульные. Каждый проявил стойкость и мужество. Начальник караула Мирбах, не получив поначалу приказа о выводе своих офицеров, собрал караульных и благословил на почетную смерть. Сам он встал на пост во главе. Видать, судьба – сгореть заживо. Но никто не впал в панику и не бежал. Правда, спаслись все – приказ покинуть пост пришел вовремя.

Служащие Эрмитажа не по приказу, а по личному выбору ринулись в огонь спасать галерею портретов героев 1812 года, написанных некогда знаменитым живописцем Герардом Доу. Там же висел и «Георгий Победоносец» великого Рафаэля. И портреты, и «Георгия» вынесли из огня в числе первых.

Спасенные вещи три дня лежали вокруг Зимнего дворца. Но никто ничего не украл ни из обстановки, ни из ценностей. В страшную роковую ночь народ увидел в Зимнем не дом властителя, а свой собственный главный ДОМ России. А родной дом свят. Его нельзя разворовать и расхитить. Вот почему золотые и серебряные канделябры, драгоценные камни и ювелирные украшения, которые так легко было опустить в карман, вернулись на склад, который организовали для особо ценных вещей в Генеральном штабе. Правда, дотошный историк двора В.М. Глинка сверил все со списком обстановки, вещей и ценной утвари, бывшей в Зимнем. Оказалось, что не хватает некоторых серебряных вилок с ложками и бочонков вина. Об этом написали в газетах. Петербург ахнул: неужто в такую роковую ночь город не выстоял испытания и совершил грех кражи?! Но через пару дней столовое серебро нашлось внутри свернутых гардин, ну а вином оказались залиты ступени подвала – видно, бочки лопнули от пожара.

Однако одна пропажа все-таки была – тарелка из парадного императорского сервиза. Ее искали всем городом. Она нашлась только весной. Сошел снег, и лошадь одного из кучеров наступила на нечто хрупкое прямо на Невском проспекте. Это и оказалась тарелка. Кучер принес осколки злополучной тарелки на склад Генерального штаба. Дотошный историк Глинка поставил галочку – все на месте.

Город недолго взирал на чудовищные остовы здания, некогда возведенного великим архитектором Растрелли. Еще воздух не очистился от ужасного смрада, дыма и чада тлеющих обломков, а уже начались работы по восстановлению дворца. Архитектору В. Стасову была поручена наружная отделка, архитектору А. Брюллову (брату знаменитого художника) – внутренняя. По 8 тысяч строителей ежедневно трудились на восстановительных работах. Зато уже через год с небольшим, на Пасху 1839-го, Зимний дворец, как птица феникс, возник из руин еще краше, чем был.

Осталась только одна загадка. В ту же самую роковую зиму 1837/38 года страшный пожар случился не только в Петербурге, но и в Лондоне, и в Париже. В ночь с 10 на 11 января сгорела Лондонская биржа. А в Париже в январе вспыхнул театр «Опера-комик». «Не есть ли это знамение? – восклицал известный историк-писатель Погодин. – Три главных народа лишились в одно время тех предметов, которые были для них всего на свете дороже: жилище царское для русского, биржа для англичанина и театр для француза. Слабое человечество! Тебе подаются знаки, но нет к ним ключа у тебя...»

Действительно, что символизировал этот тройной пожар? Судьба показывала, что от блеска до мрака, от счастья до трагедии – один шаг? Или предупреждала: то, на что вы возлагаете надежды, хрупко, готово стигнуть вмиг? Действительно, французы видели счастье в наслаждениях во что бы то ни стало, англичане – в том, чтобы иметь как можно больше денег, ну а

россияне верили в царя-батюшку и непогрешимость его власти. Но все не вечно. Развлечения проходят, деньги уходят, а царская власть ведет к революциям...

Возрождение во времени, или Обман веков

Как приходят замыслы к художникам? Кто знает – это дело тайное. Но вот замыслы итальянского скульптора Алчео Доссена явились в мир самым невероятным образом, возможно, самым загадочным в истории искусства.

В тот летний день 1915 года в мастерской Алчео Доссена было душно и жарко. Камнерез с утра долбил камень – вырезал очередной барельеф для оконного карниза. Год назад в Риме началась мода на украшение домов такими поделками, вот Доссена и старался. Но сегодня, то ли из-за духоты, то ли от того, что Алчео был сыт по горло дешевыми поделками, работа продвигалась туго. Резчик задыхался от каменной пыли, плотной завесой покрывавшей крошечную мастерскую. Голова его закружилась, перед глазами поплыли разноцветные круги, и в их завораживающем свете камнерез вдруг увидел прямо перед собой мужчину, одетого по моде далекой эпохи Возрождения...

Камнерез попытался встать – надо же хоть смахнуть пыль со стула, если вдруг этот странный господин в дорогом, расшитом золотом старинном платье решит присесть. Но голова кружилась, и встать Доссена не мог. Зато незнакомец с любопытством огляделся, потрогал пальцем надрезы на камне и повернулся к резчику: «Я – Симоне Мартини, живописец. Мы, конечно, незнакомы, ведь я жил 600 лет назад, но вы видели мои картины». Доссена ахнул – да он всю жизнь восторгался Мадоннами этого художника, ставил его выше всех мастеров эпохи Проторенессанса! И, словно отвечая на мысли камнереза, Мартини сказал: «Я рисовал своих Мадонн с красавицы Лауры, возлюбленной поэта Петрарки. Я написал и портрет самой Лауры, но он погиб, как и многие мои картины. Вот если бы я ваял из камня – мои работы были бы живы. Ведь камень может пройти сквозь время...»

Алчео очнулся и замотал головой. Какие странные видения возникают в этой духоте – так недолго сойти с ума! Надо выйти из дому, проветрить голову. Но на римских улицах было немногим лучше – от палящего солнца, казалось, плавился сам воздух. Одна надежда на музеи, ведь там поддерживается определенная температура. Может, там не будет так жарко?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.